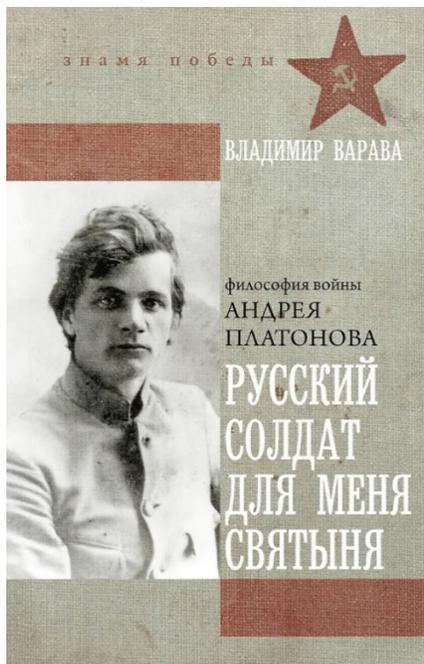

DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.17
EDN AVPPPG

С. А. Резвушкина

**«СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»
И ЕГО ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ПРОСТРАНСТВЕ ВОЙНЫ:
заметки на полях книги Владимира
Баравы «Русский солдат для меня
святыня». Философия войны
Андрея Платонова»
(М.: Издательство «АСТ»;
Редакция «КПД», 2025. 384 с.)¹**

Что мы знаем об Андрее Платонове? Наверное, мы знаем достаточно – его творчество в том или ином виде исследовано, а биография написана. Мы знаем его неповторимый стиль письма, мы знаем щемящие образы его «сокровенных людей» и пугающие глубины «котлована» его прозы. Но правдиво ли это знание, полно ли оно? Пожалуй, что нет – мы знаем, если позволите так выразиться, пол-Платонова, ту «удобную» определенной части общества его половинку, которая используется для того, чтобы втиснуть писателя в прокрустово ложе антисоветского дискурса и использовать его для демонизации советского прошлого и, шире, нашей единой российской цивилизационной идентичности во всей ее трагической развернутости в истории. Но, позвольте, пол-Платонова – это не целый Платонов во всей сложности этой поистине

¹ *Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания (научный проект «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», номер темы: FSZG-2025-0004).*

The article was prepared within the framework of the implementation of a state assignment (scientific project “Identity of Russia as a state-civilization: political, spiritual, social aspects”, topic number: FSZG-2025-0004).

исторической фигуры! И вот первая причина обратиться к книге Владимира Варавы «"Русский солдат для меня святыня". Философия войны Андрея Платонова» – это восполнить утраченную часть и увидеть Платонова в полноте истины. Увидеть то, что «неудобно» антироссийским группам, – его военную прозу, полную подлинного патриотизма и любви к Родине.

Вторая причина для обращения к этой работе – контекст сегодняшнего дня. Специальная военная операция заставляет русского человека обратиться к самому себе, совершить акт цивилизационной самоидентификации и через нее выйти к вопросам о русских духовных и нравственных ценностях и смыслах. Что есть подвиг? Что есть жертва? Что есть милосердие? А в общем смысле – что есть русский патриот, которого дни тяжелых испытаний его Родины перековывают в русского солдата? И военная проза Платонова – это, если угодно, компендиум ответов на вечные вопросы. Сам Платонов писал об этом: *«Я думаю над тем, как еще лучше, во всенародном и всесолдатском измерении превратить нашу общую мысль, нашу философию, владеющую исторической истиной, превратить в простое, доступное всем, страстное, святое чувство, подобно молитве, чтобы оно укрепляло сердце воина и подымало на врага его руку. Это великое, нужное нам оружие, которым мы еще не овладели, как следует им владеть, чтобы скорее сдвинуть противника с нашей земли»* (Платонов, 2010. С. 227).

Третья причина для обращения – наши солдаты, которые сейчас сражаются на фронтах и усилиями которых создается наша победа. Для них чрезвычайно важна и актуальна сейчас не только тактика и стратегия, но и философия войны. Действующий офицер Донецкого общевойскового командного училища и философ Андрей Коробов-Латынцев пишет, что «для того, чтобы внутренне быть готовым к войне, надо понимать ее сущность, ее нравственное и историческое значение» (Коробов-Латынцев, 2024. С. 5). При этом, как совершенно справедливо отмечает Владимир Варавя, *«сегодняшний русский солдат, сражающийся все с тем же всемирно-историческим злом фашизма в новом неолиберальном обличье, – это достойный наследник тех воинов, о которых говорит Платонов, которые сражались на полях Великой Отечественной войны»* (Варавя, 2025. С. 25). Там самым военная проза Платонова может стать духовной опорой для современных воинов, позволить им ощутить свою преемственность героям Великой Отечественной войны и, одновременно, увидеть и осмыслить вневременность того зла, которому они противостоят и той истины, которую они защищают. Платонов выступает в качестве автора прикладной метафизики русского подвига, показывая, как духовные смыслы преломляются в пространстве реальных боевых действий. Поэтому в трех сюжетах мы постараемся составить у читателя представление об этой безусловно своевременной книге и познакомить его с тем Платоновым, которого заново открывает для нас Владимир Варавя.

Сюжет 1. Платонов как философ

Характерной чертой авторской оптики Варава по отношению к Андрею Платонову является его утверждение о философичности писателя. Укореняя его произведения в трудах Достоевского, Веневитинова, Федорова, Бердяева, Варава как бы продляет линию русской литературоцентричной философии, берущей исток в древнерусской книжности. Литературоцентричность русской философии – важный момент, поскольку признание такой формы суверенного русского философствования разбивает миф о ее «невегласии» и «вторичности» по отношению к философствованию европейскому. Русские, считает Варава, философствуют самобытно, через неразрывно-нераздельную слиянность категорий «литературного» и «философского» (Нилогов, 2016). Платонов здесь – полноправный участник русской литературно-философской плеяды мыслителей, отчасти замыкающей ее. Его философичность очевидна и неоспорима. Исследователь поэтики Платонова С. Г. Семенова писала, что философия писателя живет *«в самой фразе, в определениях и сравнениях, в речах его персонажей, часто на первый взгляд полубредовых, в героях, сюжете и композиции, в упорно навязчивых мотивах. Причем именно эти мотивы концентрируют в себе философские заботы автора, его заветные убеждения, во многом созидают особую, поражающую всех, смутно разгадываемую атмосферу его творений»* (Семенова, 2020. С. 22). Вглядываясь в творческий мир этого самобытнейшего автора, мы увидим его заинтересованность онтологией («Котлован» – это осмысление бытия-вне-времени, после крушения старого и до рождения нового, рефлексия состояния онтологической незавершенности мира), философией техники («Епифанские шлюзы» и «Ювенильное море» показывают нам технику как нечто, что спасительно для человека, но при отчуждении от души и природы может стать губительным), социальной и политической философией («Сокровенный человек» описывает собранность в условиях политической неустроенности, поиск новых форм социальности), но более всего – философской антропологией и этикой.

Да, проблема человека звучит в прозе Платонова с самого начала его творческой деятельности, но война с новой силой обратила его к проблеме человека и к проблеме человека на войне, поскольку *«поставила вопрос о смысле жизни самым радикальным и жестким способом»* (Варава, 2025. С. 58). Можно сказать, что такая постановка вопроса – вернейшая примета времени, поскольку время войны – время смысла жизни и, одновременно с этим – смысла смерти. В. Франкл писал об этом так: *«Перед лицом же смерти – как абсолютного и неизбежного конца, ожидающего нас в будущем, и как предела наших возможностей – мы обязаны максимально использовать отведенное нам время жизни, мы не имеем права упускать ни единой из возможностей, сумма которых в результате делает нашу жизнь действительно полной смысла»* (Франкл, 1990. С. 192). Война ставит человека перед смер-

тью, причем не только перед своей, но и перед смертью своих товарищей, перед смертью врагов, перед смертью людей – близких и далеких. И Платонов, проживая «опыт соборной смерти», видит, как его проживают советские солдаты и как трансформируется их прежде обыденное, мирное восприятие смерти. В этом смысле Платонов предстает перед нами как этический философ-экзистенциалист.

Сюжет 2. Платонов как этик и философский антрополог

Андрей Платонов – фигура глубоко мифологизированная, а его биографии в своих отдельных сюжетах иногда напоминают былины или сказки о героях. Можно найти рассказы о том, что Платонов, оказываясь в состоянии тяжелой болезни, пренебрегал лечением, а отправлялся на фронт – так важно для него было успеть увековечить подвиг и славу русского солдата (Андрей Платонов... 2013). И эти его поступки не были «удалью молодецкой» или «лихачеством», нет. Просто Платонов считал своим нравственным долгом успеть отразить как можно больше из жизни русского солдата, осветить его путь и даже, как он писал в одном из посланий к жене, написать ему реквием. И Варавва в своей монографии доказывает, что мифологичность восприятия Платонова – не небрежность или идеологизация, но наиболее точная передача Платонова через его аффектированную нравственность, через то, что создает о нем нравственный миф (Варавва, 2025. С. 10). Тем самым он задает не социально-политическую, не историософскую, но этическую оптику исследования Платонова. Платонов для Вараввы – величайший этик и непревзойденный деонтолог, рождение которого продиктовано задачами эпохи: *«литература военного времени призвана служить фронту, способствовать победе. Задача писателя военного времени меняет свой ценностный знак – от эстетики к этике, от эстетического взглядывания и любования действительностью, до глубоко трагического переживания, которое открыла война во всей полноте»* (Варавва, 2025. С. 31).

При этом война для Платонова как для философа экзистенциального толка представляет собой развернутую во времени «пограничную ситуацию», где человек находится в континуальном переживании коллективной смерти. Франкл, который тоже имел опыт континуального проживания коллективной смерти, писал: *«Человеку важно умереть своей смертью – “своей” в том смысле, который придавал этому высказыванию Рильке. Своей – значит, осмысленной, хотя и по-разному: ведь смысл смерти, точно так же, как и смысл жизни, у каждого свой, глубоко личный»* (Франкл, 1990. С. 152). И Варавва через Платонова блестяще показывает нам, что русский солдат осмысляет смерть как в высшей степени нравственный поступок – готовность в бою умереть во имя своей Родины и во имя своего народа. Тем самым его смерть побеждается через духовный выбор – не утрашиться прекратить личную индивидуальную жизнь ради того, чтобы жил Другой, чтобы продолжалась

жизнь коллективная. Это и отличает русский экзистенциализм Платонова от западного – герои Сартра и Камю на такой нравственный жест не способны.

Монография приглашает нас осмыслить этическую антропологию Платонова, развертывающуюся на фоне войны. Главное в ней – еще довоенный образ-концепт «сокровенного человека», который можно описать как человека в состоянии онтологической заброшенности, чье экзистенциальное сиротство преодолевается не индивидуалистическим бунтом, а добровольным жертвенным служением коллективному целому, где этический выбор становится актом метафизического укоренения. Причем «сокровенность» у Платонова динамична – в довоенных произведениях она проявлялась как экзистенциальное сиротство и поиск смысла на фоне социальных преобразований, то на войне она приобретает дополнительное значение формы сопротивления тотальной дегуманизации, способом сохранения человеческого в условиях институционализированного насилия. Это сближает концепт «сокровенного человека» с концептом «*homo sacer*» Дж. Агамбена, поскольку оба они представляют собой фигуры, выведенные за пределы обычного правового и социального порядка в пространство исключительного существования, где жизнь сводится к базовым проявлениям (Агамбен, 2011). Однако если у Агамбена исключение является результатом реализации диспозитива насилия власти, создающей зону беззакония, то у Платонова эта исключенность возникает в результате резкого социального слома (ранний советский период и впоследствии война) и реализуется через добровольный экзистенциальный выбор, продиктованный коллективной этикой и направленный на служение высшей правде и народу. Таким образом, «сокровенный человек» не является пассивной жертвой системы, но активным субъектом, чье нахождение на периферии социальных структур позволяет ему обрести подлинную метафизическую укорененность в соборном бытии и этике жертвенного служения. Различие между «сокровенными людьми» Платонова и «*homo sacer*» Агамбена проходит буквально по линии фронта – фронтовая реальность у Платонова предстает как пространство тотального онтологического исключения. Это зона, где человек, как было указано ранее, систематически сталкивается с возможностью собственной смерти и смертью другого. И, как показал Варавя, именно соборное проживание смерти и ее рефлексия через коллективный этос становится краеугольным камнем этического экзистенциализма Платонова. Это его «долгий смысл жизни», готовность умереть за то, чтобы жили другие, и за то, чтобы не было войны.

Сюжет 3. Платонов как «русский советский»

Война – это ситуация, в которой человеку особенно остро необходим Бог как высший нравственный образец и, если угодно, высший нравственный арбитр. Более того, «*нравственность – Бог Платонова, это вообще русский Бог – центральное понятие и ценность жизни, отличающая нашу традицию*

от всех остальных» (Варава, 2025. С. 41). И здесь интересно то, что в своей монографии Варава часто использует риторику, относящуюся к семантическим ядрам христианства. В контексте описания настоящего пламенного коммуниста Платонова это, на первый взгляд, выглядит несколько освежающе. Однако как человек, имеющий удовольствие лично быть знакомым с автором монографии, могу засвидетельствовать – это не небрежность отношения к истории, не попытка окрасить Платонова в лично-религиозные предпочтения и сделать его «третьим субъектом» в собственном разговоре с Богом. Но это выражение того экзистенциального факта, который наиболее афористично выразил певец русской экзистенции Егор Летов: «*Не бывает атеистов в окопах под огнем*». Платонов с его особым, обостренно-онтологическим восприятием мира придавал категориям добра, любви, милосердия, жертвы, соборности и страдания глубоко метафизическое, почти что религиозное измерение, несмотря на его официальную советскую атеистичность. Его духовные взгляды могут быть описаны как причудливый, но странно-гармоничный синтез революционной утопии, народного космизма и глубинной, укорененной в русской культуре православной этики. Помещая Платонова в пространство семантических кодов христианства, Варава эксплицирует его глубинную религиозность и обнажает для читателя высшие, духовные смыслы войны.

Само семантическое пространство религиозности (латинское «re-ligare» как «заново связывать») здесь выполняет двойную функцию – с одной стороны, оно эксплицирует внутренние духовные взгляды Платонова, с другой – способствует его континуальности в русской интеллектуальной традиции, которая черпает свой исток в православной антропологии дореволюционного периода. Именно в этом ключе следует рассматривать и его сложное отношение к советской власти, которое было не критическим, а скорее онтологическим и мистическим. Варава, опровергая муссируемый постсоветскими «интеллектуалами» образ «антисоветчика», показывает, что Платонов в сути своей не критик советского, но его глубинный выразитель и певец.

Этот подход проясняет парадоксальное, на первый взгляд, отношение писателя к власти – оно подлинно христианское, библейское. Своим смиренным принятием даже самых резких и несправедливых отзывов Сталина и горячим подвижничеством на ниве военной и писательской деятельности он вольно или невольно воплощает слова апостола Павла: «*Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены*»¹. Можно сказать, что для Платонова советская власть была не политическим институтом, а фатумом истории, который необходимо принять и через страдание преобразить, что глубоко укоренено в русской культурной парадигме. Об этом душевном смирении свидетельству-

¹ Послание к Римлянам 13 стих 1. Библия онлайн. – URL: <https://bible.by/verse/52/13/1> (дата обращения: 30.08.2025).

его пронзительная заметка от 1941 года: «Я живу, можно сказать, плохо. Жив – и ладно. Больше я ничего и не имею, только живу» (Платонов, 2006. С. 215). Варава обращает наше внимание на смиренномудрие Платонова в этих словах и его смиренность «самым сильным смирением подлинно русского человека» (Варава, 2025. С. 15). Такая удивительная смиренность – воплощение сложной духовной аскезы, стоическое принятие своей судьбы как части некоего высшего, коллективного бытия фундирует Платонова в почве русской культуры не только советского, но и русского дореволюционного периода. И эта русская почва объясняет то, что хочется назвать «нутряной религиозностью» Платонова – в его языке органически существует лексика, укорененная в православном пласте. Но она всегда вплетена в ткань повествования о советском человеке – его подвигах, горестях, душевности, духовности и даже – вопреки внешнему атеизму – святости.

За счет религиозной семантики в Платонове происходит встреча русского и советского, которые иногда мыслились как противопоставленные категории, и их сплавка в формулу самого Платонова «русский советский». Тем самым Варава показывает нам, что при полном и подлинном прочтении Платонова можно осуществить в его прозе дизъюнктивный синтез, «невероятный и невысказанный для одномерного либерального восприятия, которое не может перенести, что он советский, русский, патриотичный» (Варава, 2025. С. 17). Можно сказать, что ценность монографии, одна из ее великолепнейших «интеллектуальных жемчужин» заключается в последовательном и полноправном изъятии фигуры Платонова из либерализованного дискурса и возвращении его наследия в контекст русской патриотической литературы и философии. Это исследование совершает акт «исправления имен», восстанавливая органическую связь Платонова с русской духовной традицией.

Заключение

Монография Владимира Варава «“Русский солдат для меня святыня”. Философия войны Андрея Платонова» представляет собой не просто историко-философское или литературоведческое исследование, но масштабный акт восстановления культурно-исторической памяти и возвращения ключевой фигуры русской литературы в контекст непрерывной цивилизационной традиции России. Платонов является фигурой, обнимающей собой жизнь русского офицера, рефлексивность русского философа и искренность русского военного корреспондента. «Платонов в полной мере осуществил идею творчества “внутри войны”. Он находился в действующей армии с мая 43-го года. Бок о бок с частями Центрального, Западного, Украинского, Белорусского фронтов. Платонов – свидетель форсирования Днепра, освобождения Украины и Белоруссии, Курской битвы. Такой огромный опыт участия в войне делает его рассказы и очерки в “Красной звезде” очень ценным и значимым свидетельством о реальном состоянии боевых действий на фронтах.

Это и есть та правда о войне, которую в дальнейшем либеральные анти-русские силы пытались исказить, замолчать, дискредитировать. И в этом смысле военное творчество – это мощный голос истины, голос правды о Великой Отечественной войне» (Варава, 2025. С. 7). Сегодня мы видим, как та же борьба за правду продолжается в информационном пространстве вокруг СВО. В этом смысле работа Варава выполняет не только академическую, но и важнейшую гражданскую функцию – она возвращает нам Платонова как мощный голос истины, голос правды не только о Великой Отечественной, но и обо всех войнах России, которые суть битвы за сохранение своей цивилизационной идентичности.

Монография, рассмотренная в данной рецензии, открывает нам Платонова как ключевого автора русской цивилизационной традиции, чье творчество оказывается необходимо именно сегодня – в момент нового исторического испытания. Опыт проживания войны и ее философская рефлексия делают Платонова не только историческим документом, но и экзистенциальным руководством для современного русского человека, стоящего перед лицом аналогичных духовных и исторических вызовов. Его военная проза становится мостом между поколениями защитников России. Варава убедительно и последовательно доказывает: Платонов – не «криптодиссидент» или один из множества рядовых писателей, но философичный, патриотичный и живой голос русской экзистенции, говорящий с нами здесь и сейчас.

Список источников

Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – Москва: Издательство «Европа», 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-9739-0202-5.

Андрей Платонов. Личное дело. 1899–1926 / сост. О. Ю. Алейников, М. В. Бычков; под общ. ред. Н. В. Корниенко. – Воронеж: Дирекция Международного Платоновского фестиваля, 2013. – 304 с. – ISBN 978-5-9904663-1-9.

Варава В. «Русский солдат для меня святыня». Философия войны Андрея Платонова / В. Варава. – Москва: Издательство «АСТ»; Редакция «КПД», 2025. – 384 с. – ISBN/ ISSN 978-5-17-173244-8.

Коробов-Латынцев А. Ю. Русская философия войны / А. Ю. Коробов-Латынцев // Русская философия войны. Карманная хрестоматия для бойца / сост. А. Ю. Коробов-Латынцев. – Москва, 2024. – 88 с. – ISBN 978-5-6045413-8-8.

References

Agamben G. Homo sacer. Sovereign Power and Naked Life. *Moskva: Izdatel'stvo «Yevropa» = Moscow: Izdatelstvo Evropa*. 2011; 256 p. ISBN 978-5-9739-0202-5. (In Russ.)

Andrei Platonov. Personal File. 1899–1926. Comp. O. Yu. Aleinikov, M. V. Bychkov. General editor N. V. Kornienko. Voronezh: Direktsiya Mezhdunarodnogo Platonovskogo festivalya = Voronezh: Directorate of the International Platonov Festival. 2013; 304 p. ISBN 978-5-9904663-1-9. (In Russ.)

Varava V. “The Russian Soldier is Sacred to Me”: Andrei Platonov’s Philosophy of War”. *Moskva: Izdatel'stvo «AST»; Redaktsiya «KPD» = Moscow: Izdatelstvo AST; Editorial Board KPD*. 2025; 384 p. ISBN/ ISSN 978-5-17-173244-8. (In Russ.)

Korobov-Latyntsev A. Yu. Russian philosophy of war. *Russkaya filosofiya voyny. Karmannaya khrestomatiya dlya boytsa = Russian philosophy of war. A pocket book for a fighter*. Comp. A. Yu.

Нилогов А. С. Русская литература versus русская философия (беседа А. С. Нилогова и В. В. Варавы) / А. С. Нилоггов, В. В. Варавы // *Litera*. – 2016. – № 2. – С. 1–10. – DOI 10.7256/2409-8698.2016.2.18943. – EDN WAZEUN.

Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии. Публикация М. А. Платоновой. – 2-е изд. – Москва: ИМЛИ РАН, 2006. – 421 с. – ISBN 5-9208-0002-X.

Платонов А. П. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов / А. П. Платонов. – Москва: Время, 2010. – 543 с. – ISBN 978-5-9691-0478-5.

Семенова С. Г. Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова / С. Г. Семенова. – Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2020. – 624 с. – ISBN 978-5-9208-0606-2. – DOI 10.22455/978-5-9208-0606-2. – EDN AEXWAU.

Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / В. Франкл; пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. – Москва: Прогресс, 1990. 368с. – ISBN 5-01-001606-0.

Korobov-Latyntsev. Moscow. 2024; 88 p. ISBN 978-5-6045413-8-8. (In Russ.)

Nilogov A. S., Varava V. V. Russian literature versus Russian philosophy (conversation between A. S. Nilogov and V. V. Varava). *Litera*. 2016; 2: 1-10. DOI 10.7256/2409-8698.2016.2.18943. (In Russ.)

Platonov A. P. Notebooks. Materials for a Biography. Trans. Published by M. A. Platonova. 2nd ed. *Moskva: IMLI RAN = Moscow: IMLI RAS*. 2006; 421 p. ISBN 5-9208-0002-X. (In Russ.)

Platonov A. P. There is No Death! Stories and Journalism from 1941-1945. *Moskva: Vremya = Moscow: Time*. 2010; 543 p. ISBN 978-5-9691-0478-5. (In Russ.)

Semenova S. G. The Foolishness of the Sermon: The Metaphysics and Poetics of Andrei Platonov. *Moskva: Institut mirovoy literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiyskoy akademii nauk = Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences*. 2020; 624 p. ISBN 978-5-9208-0606-2. DOI 10.22455/978-5-9208-0606-2. (In Russ.)

Frankl V. Man's Search for Meaning: A Collection. Trans. from English and German. General editors L. Ya. Gozman, D. A. Leontiev; introduced by D. A. Leontiev. *Moskva: Progress = Moscow: Progress*. 1990; 368 p. ISBN 5-01-001606-0. (In Russ.)

Для цитирования: Резвушкина С. А. «Сокровенный человек» и его идентичность в пространстве войны: заметки на полях книги Владимира Варавы «“Русский солдат для меня святыня”». *Философия войны Андрея Платонова* (М.: Издательство «АСТ»; Редакция «КПД», 2025. 384 с.) // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 245–253.

DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.17

EDN AVPPPG

История статьи:

Поступила в редакцию – 28.08.2025

Принята к публикации – 26.09.2025

Резвушкина Софья Александровна

Научный сотрудник Центра фундаментальных и прикладных научных исследований Департамента научной деятельности Российского государственного гуманитарного университета, аналитик Учебно-научного центра «Высшая политическая школа имени Ивана Ильина» Российского государственного гуманитарного университета